

nificierten Abstractis Sinnbilder zugeben durch welche sie kenntlich werden.

«Diese Sinnbilder weil si etwas anders sind und etwas anders bedeuten, machen sie zu allegorischen Figuren».¹

Державин не различал поэтическое олицетворение от изобразительной аллегории. Он охотно включал изобразительные аллегории в свою поэзию (Изображение Фелицы) и любовно, как живописец, выписывал атрибуты своих божеств:

«Но слава там с венцом лавровым,
С короною из звезд. . .
.
На шлеме у нее орел
Сидел с перуном помраченным:
В нем герб отечества он зрел. . .» и т. д.

Наделив литературу жизнью, движением, индивидуальными страстями, Лессинг оставил на долю изобразительного искусства статику, покой и обобщенные типические идеалы красоты. Державин гораздо глубже ощущал связь живописи и скульптуры с живой жизнью, с реальным миром. Поэтому Лессинг не повлиял на его творчество. В своем «Рассуждении о лирической поэзии» он попрежнему называл поэзию «говорящей живописью» и оставался поэтом-живописцем до конца дней.

Однако нежелание подставлять себя лишней раз под удары критики могло заставить его умолчать о своих изобразительных «источниках». Зато с какой готовностью он называет произведения архитектуры (Камеронову галерею, здание б. Петербурга и др.), в описании которых он выступает как «подражатель» первого типа по Лессингу, как самостоятельный творец.

Эстетика Лессинга до некоторой степени повлияла на характер иллюстраций к «Сочинениям Державина», которым Львов, Оленин и сам поэт уделили столько внимания. В черновике объяснительной записки к этим иллюстрациям Львов говорит:²

«Все почти значения чертежей, как при заглавных листах, так и при окончании поэм, выбраны из собственного их значения,

¹ G. E. Lessing. Laokoon, XVIII. «Если поэт желает сказать: „Уrania задолго узнала о своей смерти по звездам“, то почему должен он с оглядкой на художника говорить: „Urania с циркулем в руке, с небесной сферой перед ней?“ Когда поэт олицетворяет абстрактные идеи, то он достаточно характеризует их именами и действиями, которые они производят. У художника нет этих средств. Свои олицетворенные абстракции он должен наделять атрибутами, по которым они узнаются. Эти атрибуты, поскольку они значат нечто иное и суть нечто иное, превращают его олицетворения в аллегорические фигуры».

² Эта черновая записка находится в тетради Львова 1802 г. в архиве ИЛИ АН. Я. К. Грот приводит несколько более подробный вариант этой записки (Собр. соч. Державина, т. I, стр. XXX) и приписывает его Оленину, но, поскольку черновик записки написан рукой Львова и находится в его тетради, следует автором ее считать Львова.